

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «WALL STREET JOURNAL» И AMAZON.COM

УИНТЕР РЕНШОУ

**НЕ ДАЙ МНЕ
ЗАВЛАДЕТЬ
ТВОИМ
СЕРДЦЕМ**

Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking. Rules and hearts were made for breaking.

P.S. I Dare You

**Я БРОСАЮ ТЕБЕ
ВЫЗОВ**

18+

Уинтер Реншоу
P.S. I Dare You. Я
брошаю тебе вызов
Серия «Freedom. Чувственная
проза Уинтер Реншоу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55894938

P.S. I Dare You. Я брошаю тебе вызов / Уинтер Реншоу: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-112665-0

Аннотация

От автора бестселлеров «Wall Street Journal» и Amazon.com.

Дорогая Аэрин!

Прежде чем это нелепое соглашение вступит в силу, хочу, чтобы ты знала: я в курсе, зачем мой отец нанял тебя. Но я не нуждаюсь в чьих-либо услугах.

Поскольку ты опрометчиво подписала контракт, а мой отец убеждает меня занять эту позицию, нам придется какое-то время провести вместе. По крайней мере, пока не истечет срок договора.

Надеюсь, мы с легкостью пройдем через это. Однако я вижу, что твой прекрасный взор слишком часто задерживается на мне.

Я чувствую, как у тебя перехватывает дыхание, когда наши руки соприкасаются.

Ты считаешь, что я – твоя проблема, достойная того, чтобы ее решить? Невероятная загадка, которую нужно разгадать? Как угодно, приступай. Реши наше уравнение. Это может даже оказаться забавным.

Колдер Уэллс II

P. S. Я бросаю тебе вызов!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	49
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Уинтер Реншоу P.S. I Dare You. Я брошаю тебе вызов

*И я падаю к твоим ногам,
словно капли дождя.*

Павана Реддс, «Как возник океан»

Посвящается тебе.

Да-да, тебе.#

Пролог

Дорогая Аэрин!

Прежде чем это нелепое соглашение вступит в силу, хочу, чтобы ты знала: я в курсе, что мой отец нанял тебя, я знаю, зачем он это сделал. Но, что самое главное, я не нуждаюсь в чьих-либо услугах.

По сути, \$100-миллиардная империя моего отца мне совершенно не нужна, и тот факт, что он «дарит» мне «одну из лучших ассистенток округа», этого не изменит. Он зря тратит свои деньги. А ты зря тратишь время.

Однако поскольку я вижу, что ты по глупости подписала крайне невыгодный контракт с оговорками насчет «непреодолимой силы», а мой отец убеждает меня занять эту позицию, похоже, что нам придется какое-то время провести вместе. По крайней мере, пока в следующем месяце не истечет срок договора.

Если брать все это во внимание, мы относительно безболезненно переживем совместное пребывание в «Уэллс-Тех». Однако не обманывай себя, полагая, будто я не замечаю, что твой прекрасный взор слишком часто задерживается на мне. Я чувствую, как у тебя перехватывает дыхание, когда наши руки соприкасаются. Ты пленилась мною, и это дается тебе нелегко, поскольку ты едва-едва способна выдержать пребывание рядом со мной в одном офисе.

Ты считаешь, что я – твоя проблема, достойная того, чтобы ее решить? Невероятная загадка, которую нужно разгадать? Как угодно, приступай. Реши наше уравнение. Разгадай шифр. Это может оказаться даже забавным (скорее для меня).

Колдер Уэллс II

P. S. Я бросаю тебе вызов.

Глава 1

Аэрин

– При всем моем уважении к вам, мистер Уэллс, я не понимаю сути этого контракта. – Спина у меня прямая, словно стрела, ноги сомкнуты, руки лежат на коленях, хотя мы беседеуем по «Скайпу», и мой визави не видит ничего ниже моих плеч, прикрытых кардиганом. Справа от меня аккуратной стопкой лежит распечатка пятистраничного соглашения, которое его ассистент сегодня утром прислал мне по электронной почте. – Вы хотите, чтобы я исполняла обязанности личной ассистентки вашего сына? Но чем именно он занимается? Я просто пытаюсь понять, какого рода услуги от меня потребуются.

Вчера вечером я несколько часов гуглила Колдера Уэллса и его двадцативосьмилетнего сына, тезку, Колдера Уэллса II. В какой-то момент в моем браузере было открыто тридцать вкладок.

Если верить такому общепризнанному источнику, как «Википедия», старший Колдер Уэллс – президент и генеральный директор «Уэллс-Тех», технологического концерна, который владеет также новостной сетью и одним из самых популярных потоковых сервисов, предоставляющих видео по запросам.

Но его никому не известный сын? Похоже, все, что можно найти о нем в интернете, сводится к паре строчек в биографии его отца на сайте «Уэллс-Тех». Он все равно что выдуман. Я не смогла даже найти ни одной его фотографии за последние годы, на которой его изображение не было бы размыто.

У него черные, как вороново крыло, волосы.

Это все, что мне удалось узнать за целых два часа сетевого поиска.

Мистер Уэллс, сидящий в рабочем кресле с рыжевато-коричневой обивкой, подается вперед и откашливается.

– Мой сын... в некотором роде... вольная душа. С чрезвычайно сложными... наклонностями. Если формулировать это вежливо.

Я все еще в замешательстве.

– Он работает с вами? В «Уэллс-Тех»?

Я уже знаю ответ. Согласно спискам руководящего персонала «Уэллс-Тех», единственный Колдер Уэллс, который работает там, – это тот, кого я вижу сейчас на экране.

Его губы растягиваются в безупречной улыбке, которая резко контрастирует с его загорелым морщинистым лицом.

Виниры.

Определенно виниры.

– Не совсем, – отвечает он с легким смешком, который переходит в судорожный кашель. – Но цель именно такова. Вот почему я нанимаю вас.

За последние три года я предоставляла услуги консьерж-сервиса¹ важным шишкам из Кремниевой долины, руководителям крупнейших мировых компаний из списка «Fortune 500», голливудским знаменитостям и богатым калифорнийским домохозяйкам – людям самого различного происхождения и с самыми разными личными прихотями. Однако у всех было одно сходство: они во мне нуждались. Им было необходимо, чтобы я выполняла свою работу. Меня нанимали для того, чтобы сделать их хаотичную, нелегкую жизнь проще. Все мои работодатели знали, что если они мне платят, то им совершенно не о чем волноваться. Я действую самостоятельно. Если им нужен ответ на какой-то вопрос, я нахожу его, не беспокоя их. Я инициативна и легка на подъем. Самая ответственная женщина, какую они могут встретить в своей жизни.

Меня называли «лучшим персональным ассистентом для маньяков контроля», и по этой причине – и только по этой причине – список моих потенциальных клиентов насчитывает десятки и сотни имен.

– В следующем году я ухожу на покой. – Он прижимает к своим тонким губам кулак, исчерченный венами, и хрипло дышит, пока ему не удастся сделать глоток воды из высокого стакана, стоящего перед ним. – И я хотел бы, так сказать,

¹ Консьерж-сервис – служба, в задачи которой входит выполнение деловых, бытовых и повседневных поручений от выгула собак до найма персонала и бронирования номеров в отеле. Работник такой службы располагает большим количеством информационных и деловых ресурсов.

привести все свои дела в порядок.

– Значит, он наследует вашу компанию, и вы нанимаете меня для того, чтобы облегчить ему жизнь, пока вы обучаете его? – спрашиваю я, подавляя в себе желание расставить ручки в своей карандашнице по цвету и длине. Вместо этого я сдвигаю карандашницу в сторону от монитора.

С глаз долой, из сердца вон.

Это всегда работает.

– Он не согласен. Пока еще нет, – поясняет мистер Уэллс. – Давайте скажем просто: мы с ним почти не разговариваем.

Он сумасшедший.

Этот человек – сертифицированный безумец.

И мне следовало понять это уже после прочтения его биографии в «Вики». Мистер Уэллс был женат четыре раза, владеет одиннадцатью домами по всему миру, целой стаей винтажных итальянских спорткаров, огромной яхтой по имени «Мой путь», золотым айфоном за двадцать четыре тысячи баксов и локоном самого Элвиса Пресли. Конечно, он думает, что сможет уломать своего сына возглавить компанию путем назначения ему личной ассистентки.

Совершенно закономерное действие... если в голове не хватает винтиков.

– Мне очень жаль, мистер Уэллс, – говорю я человеку, который явно привык получать все, что он захочет. – Сомневаюсь, что я – это то, что вам нужно.

Если бы он внимательно прочел мое портфолио, он понял бы это.

Я предоставляю персональные услуги для привередливых типов. Я улаживаю дела. Я подбираю гардероб. Я организирую поездки. Я координирую проекты. Я даже делаю массаж стоп, готовлю гипоаллергенное печенье для школьных ярмарок и однажды летала на частном реактивном самолете в Париж, чтобы забрать сумочку от «Биркин» по специальному заказу жены сенатора США. Моя работа далеко не престижна и не гламурна, но я хорошо знаю свое дело. Поправка: великолепно знаю свое дело.

Но быть нанятой эксцентричным миллиардером, дабы помочь его блудному сыну сделать... не знаю, что именно... это во-первых. Его сын явно не нуждается во мне и моих услугах, и я предпочту заниматься полезной и продуктивной деятельностью, а не бегать за кем-то, словно ненужный домашний питомец, ожидая, пока он бросит мне косточку.

– Конечно, вы – это именно то, что мне нужно. – Он выпячивает грудь, уголки его рта опускаются. Он оскорблен моими словами.

– Я уверена, что в Нью-Йорке найдутся тысячи персональных ассистентов, – отвечаю я, краем глаза поглядывая на висящие на стене часы. Меня ждут еще три интервью по «Скайпу» подряд и забитая доверху папка входящих писем, требующих моего внимания. Число 38 в красном кружочке в окне моего почтового клиента просто вопит о том, что я нужна и

тут, и там.

– Мне сказали, что вы лучшая. – Мистер Уэллс хмурит брови.

Мое польщенное самолюбие мурлычет внутри, словно довольный котенок, но я не теряю сдержанности.

– Я ценю, что вы так разборчивы в выборе сотрудников, мистер Уэллс, но боюсь, что мой список потенциальных вакансий слишком велик, и на данном этапе своей карьеры я с особенной тщательностью подхожу к выбору предложений.

– Сто тысяч в месяц, – говорит он.

Если бы у меня во рту был кофе, я бы сейчас подавилась им. Это в четыре раза выше моего самого большого гонорара на данный момент.

Он совершенно рехнулся.

Я ничего не отвечаю, мой разум слишком занят быстрыми подсчетами того, что я могу сделать с такими деньгами. Кредит на учебу? Выплачен. Первоначальный взнос за жилье? Как два пальца об асфальт. Настоящий отпуск? Коста-Рика, вот куда я поеду.

– Триста тысяч, – говорит он, явно неверно поняв причину моего потрясенного молчания.

– Мистер Уэллс...

– Мисс Кин, – обрывает он меня. – Наверное, мне следовало выразиться конкретнее: я умираю. У меня осталось не так много времени. Мой сын со мной не разговаривает. Мне нужен посредник. Кто-то, кто поможет мне достучаться до

него.

«Этого я и боялась...»

– Мне жаль это слышать, мистер Уэллс. Простите, что спрашиваю, но если вы с ним не разговариваете, откуда вам знать, что ему нужна личная ассистентка и что он вообще этого хочет? – спрашиваю я. Мысленно я рисую себе картину, как отклоняю все остальные предложения, впрыгиваю с самолет, лечу в Нью-Йорк – а Колдер Уэллс Второй смеется мне в лицо и отказывается от моих услуг.

И у него есть на то полное право.

– Пусть вас это не волнует, мисс Кин, предоставьте это мне. – Он вскидывает подбородок и разглаживает свой галстук в изумрудно-зеленую полоску. – Так что вы скажете? Триста тысяч в месяц?

– А что если я не понадобится ему на целый месяц?

– Вам заплатят указанную сумму независимо от того, работаете ли вы один день или тридцать.

Я не могла бы ответить «нет» на такое предложение, даже если бы захотела.

Облизав губы, я сажусь немного прямее, делаю глубокий вдох, потом выдыхаю и говорю:

– Хорошо, мистер Уэллс. Я принимаю ваше предложение.

Мой послужной список безупречен, что поспособствовало головокружительному взлету моей карьеры, слухи о котором быстро распространились в последние несколько лет.

Я перфекционистка и трудоголик, я никогда не совершаю

ошибок.

Но что-то подсказывает мне... что это вот-вот изменится.

Глава 2

Колдер

– У тебя телефон разрывается, – шепчет мне на ухо женский голос, после чего нежная рука проскальзывает мне под локоть. Мгновение спустя об основание моей шеи трется изящный носик, теплое дыхание обдаёт мое плечо.

Обычно я умело отсеиваю всяких липучек с присосками, но, очевидно, вчера вечером этот механизм дал сбой.

– Милый, тебе кто-то звонит... – снова шепчет она мне на ухо, и я содрогаюсь.

«Милый?»

Мы познакомились только накануне вечером.

Я уже приоткрываю рот, слова «Не смей больше меня так называть» уже готовы сорваться с моего языка, но ее длинные худые пальцы скользят вниз по моей груди и мгновение спустя обвиваются вокруг моего утреннего стояка.

– Хочешь, я выключу твой телефон?

Я слышу в ее мягком голосе игривую усмешку, и хотя я не особый любитель «подогретых остатков вчерашнего ужина», сейчас эта девица застала меня врасплох: мою позицию можно назвать чрезвычайно уязвимой.

– Мне нужно посмотреть. Я жду важный звонок, – лгу я. Ее теплая ладонь отпускает мой член, и сама она отползает

на свою сторону широченной кровати. Краем глаза я различаю в полутьме, как она подтягивает покрывало к груди и подтыкает его под мышки, словно заворачиваясь в полотенце.

«Вот как, теперь она изображает из себя скромницу?»

Я тянусь за своим телефоном и переворачиваю его, чтобы посмотреть, кто беспокоит меня утром в двадцать одну минуту седьмого, но на экране высвечивается вовсе не номер.

Это два слова. Заглавными буквами.

НЕ ОТВЕЧАТЬ!

Девушка, лежащая в моей постели, смотрит на меня, наши взгляды встречаются, потом она быстро отводит глаза. Я уверен, что ей любопытно. У женщин всегда включается любопытство, особенно когда они распробуют вкус обещания, выражающийся в сексуальном интересе и множественных оргазмах. Вероятно, она гадает, кто мог оказаться настолько важным, что я ради этого упускаю еще одну возможность насладиться ее идеальной грудью третьего размера и ротиком, которому позавидует сама Анджелина Джоли.

Я не могу отрицать, что вчера вечером между нами возникла определенная химия, но эта девушка была бы полной дурой, если бы поверила, что хоть чем-то отличается от любой другой женщины, с которой я когда-либо делил постель.

Вопреки голосу рассудка – и потому, что я уже сказал сво-

ей секс-партнерше, что приму этот звонок, – я прижимаю большой палец к зеленому кружку на экране и выдыхаю.

Секунду спустя я резко и холодно произношу:

– Алло?

– Колдер? – Это женский голос. Совсем не тот, который я ожидал услышать.

– Кто это? – Я снова смотрю на идентификатор контакта на своем телефоне, наполовину гадая, не приснилось ли мне это предупреждение.

– Марта, – она выговаривает свое имя наполовину вопросительно. – Марта Макдэниэл.

«А-а-а, понятно».

Помощница моего отца.

Я видел ее имя под теми письмами, которые он присылал мне. Что за человек будет диктовать свои личные послания секретарше?

Колдер Уэллс-старший, вот кто.

Я отстраняю стекло экрана от своего уха, испытывая соблазн нажать красную кнопку, дабы мгновенно избавить нас обоих от этого позорища.

Я уже четыре года не получал никаких вестей от старого ублюдка – после того, как я в девятый раз сказал ему отстать от меня. Десятый и последний раз я приберегаю на тот день, когда это жалкое подобие человека будет лежать беспомощным, одиноким и никем не любимым грузом на смертном ложе – и я уверен, что это ложе будет представлять со-

бой роскошный ортопедический матрас, покрытый тончайшей простыней, потому что человек, у которого есть все, желает «только самого лучшего».

– Извините, что беспокою вас, но вашему отцу нужно как можно скорее встретиться с вами, – говорит Марта.

«Нужно». Слово с глубоким смыслом.

«Мне тоже много что нужно, Марта, – хочу сказать я ей. – Но мое «нужно» никогда не значило ни хрена для этого самолюбленного борова, назвавшего единственного сына в свою честь, а потом десятилетиями делавшего вид, будто этого сына вовсе не существует. И это не считая прочих прегрешений».

– Боюсь, что я занят, – отвечаю я.

И это не ложь. У меня есть своя жизнь. Та, в которой нет места этому эгоистичному старику, его блестящей лысине, крошечным глазкам и иссохшим морщинистым рукам, которые он никогда не был способен держать при себе дольше пяти минут.

Просто спросите мою няню – бойкую студентку колледжа, которая понятия не имела, на что она подписывается, соглашаясь работать на семейство Уэллсов.

Или потрясающую горничную-пуэрториканку с бронзовой кожей, которую он нанял.

Или медсестру из хосписа, где умирала моя мать. Медсестру звали Бриттани, и впоследствии она стала второй (но не последней) миссис Уэллс, хотя этот брак продлился всего

двести сорок шесть дней.

– Разумеется, – отвечает Марта, и в ее голосе звучит мягкая настойчивость. Я никогда не встречался с ней лично (и не намеревался этого сделать), но ее жизнерадостный голос рисует перед внутренним взором образ упитанной приятной старушки со Среднего Запада, с волнистыми седыми волосами и массивными украшениями, которые она носит поверх пушистого свитера. Мне представляется ее рабочий стол, уставленный фотографиями ее обширного семейства, и каждый снимок достаточно неоднозначен, дабы у людей возникал вопрос: а как же сама бабушка вписывается в это семейство? – и все ради того, чтобы она могла начать рассказ о своих родных.

Если я прав на этот счет, то Марта – первая за десятки лет секретарша моего отца, не обладающая вставными сиськами и не жаждущая удовольствий.

Но все это – лишь мои предположения, кто знает.

Я ни разу не видел этого самовлюбленного эгоиста после того, как мне исполнилось восемнадцать лет, и его тогдашняя жена настаивала на том, чтобы устроить выпускную вечеринку – больше подходящую для ребенка, закончившего детский садик, чем для восемнадцатилетнего юнца. Тем более для юнца, который изрядную часть своей жизни считал дни до того момента, как ему стукнет восемнадцать и он сможет обратиться ко всем чертям из Бриджфортской Военной академии – дорогого частного заведения, напоминающе-

го колонию для несовершеннолетних преступников.

Единственное преступление, какое я когда-либо совершил, – это родился первым, последним и единственным сыном Колдера Херефорда Уэллса.

Виновен. Но не по собственной воле.

Несколько лет назад в Риме в каком-то баре красивая женщина, похожая на цыганку, отвела меня в сторону, сказав, что «повидала всякое», а потом сообщила мне, что я – реинкарнация принца, жившего в пятнадцатом веке, и что я выбрал ту жизнь, которую веду сейчас, потому что мне нужно отомстить тем, кто несправедливо обошелся со мной в прошлой жизни.

Я решил, что это полная чушь, но мне понравилась сама идея того, что она сказала.

– Понимаю, – Марта задумчиво хмыкает, как будто мои слова заставили ее нервничать, потом снова обращается ко мне: – Но, как я уже сказала, это чрезвычайно срочно. В противном случае он не побеспокоил бы вас.

Верно.

Девушка, лежащая в моей кровати, – ее имя вдруг выпадает из моей памяти – смотрит стеклянными глазами в экран своего телефона. Яркий свет озаряет ее лицо, когда она пролистывает страницы, методично и механически, словно робот.

Я почти ничего не знаю о ней, не считая того, что она рассказала мне за выпивкой вчера вечером в баре отеля. Она

представитель наркоконтроля из Миннесоты, приехала сюда на медицинскую конференцию, и она младшая из семи детей в семье. Если я правильно помню, ее родители – католики. Она упомянула об этом, рассказывая, что ее отец и мать не признают контрацептивы. Должно быть, при этих ее словах мое лицо вытянулось, потому что она сразу же залезла в свою сумочку и достала бледно-розовую пилюльницу с противозачаточными таблетками. В ответ я открыл свой бумажник и показал пачку презервативов в упаковке.

– Колдер? – Голос Марты возвращает меня к настоящему. – Вы еще на связи?

– Да. – Я сжимаю переносицу двумя пальцами, протираю заспанные глаза, а потом осознаю, что в трубке слышится тяжелое дыхание. – Я попрошу мою помощницу связаться с вами. Придумайте что-нибудь.

Марта некоторое время молчит.

– Вы... у вас нет помощницы.

– За четыре года многое изменилось, Марта, – без запинки отвечаю я.

Она негромко откашливается.

– Ну что ж, хорошо. Могу я узнать ее номер? Я предпочту сама позвонить ей.

– Я перешлю вам ее контакты. Она будет на связи.

В телефоне слышится нервное хмыканье Марты – что-то среднее между смешком и двумя нотами из песни. Если бы она была моей ассистенткой, я заставил бы ее отучиться от

этого хмыканья. Но мне не придется об этом беспокоиться: у меня действительно нет и никогда не будет помощницы. Мысль о том, что мне день за днем придется видеть одну и ту же персону и разговаривать с ней, привлекает меня ничуть не больше, чем перспектива вырвать себе глаза ржавыми плоскогубцами.

Я жажду перемен.

Я жажду разнообразия.

Я жажду свободного существования, когда я смогу полагаться только на себя самого.

Все остальное для меня равнозначно тюремному сроку.

– Я хотела бы, по крайней мере, узнать ее электронную почту, – слегка дрожащим голосом говорит Марта. – Если вы не против.

Я представляю, как мой отец нависает над ней, вслушиваясь в каждое ее слово, трясущейся рукой делает записи на клейких листочках своей тяжелой золотой ручкой. Как он жестами подсказывает ей каждую фразу, которую потом проносят ее тонкие губы, потому что этот человек одержим моим одобрением...

Только от меня, единственного из всего человечества, он не может добиться уважения – ни деньгами, ни силой, ни хитростью. Даже тогда, когда его ссохшееся безжизненное тело будет гнить в семейной гробнице в Бедфорде, он не получит моего почтения.

Но я приду к его смертному ложу.

Я приду туда, чтобы в тот момент, когда он будет испускать свой последний вздох, напомнить ему, какое он ничтожество Я приду, чтобы плюнуть на его гроб, прежде чем тот замуруют в склепе.

Горьковато-сладкое и справедливое завершение, достойное такого мерзавца, каким является мой отец.

– Колдер... я просто не знаю, как вам это сказать, поэтому скажу прямо, – Марта на секунду умолкает – возможно, выдерживает драматическую паузу, срежиссированную моим папашей. – Ваш отец умирает.

Девушка в моей постели все еще листает свой «Инстаграм». Мне кажется, за последние две минуты она даже ни разу не моргнула.

Ханна.

Вот как ее зовут. Не то, чтобы это имело какое-то значение.

– Колдер, ваш отец... – повторяет Марта, теперь уже на октаву выше и на йоту громче.

– Я с первого раза услышал вас, – перебиваю я ее, повысив голос настолько, что Ханна вскидывает на меня блестящие глаза и едва не роняет свой телефон.

– Он хотел бы встретиться с вами, чтобы обсудить вопросы наследства, – говорит она.

– Я уверен, что он уже составил завещание. – Не то, чтобы я чего-то от него хотел. Его деньги – и имя Уэллсов – всего лишь тяжкая обуза. – И я уверен, что когда придет время,

его нотариус свяжется со мной.

– Есть кое-какие вопросы, которые он хотел бы обсудить с вами лично – пока еще в силах, – настаивает она. – Эта встреча не займет много времени. Вероятно, не более десяти или пятнадцати минут в целом. Не могли бы вы приехать сегодня после полудня? У вашего отца есть свободное время между одним часом пятнадцатью минутами и одним часом сорока пятью минутами.

– Я не успею, – говорю я. Сейчас я в Теллерайде, в Колорадо, наслаждаюсь импровизированным отдыхом, катанием на лыжах и сноуборде. Или, по крайней мере... наслаждался всем этим.

Я сажусь на краю постели, согнувшись и опираясь лбом на раскрытую ладонь. На прикроватном столике лежат ключи от моей «Сессны»². Я мог бы сегодня прилететь обратно в Нью-Йорк, если бы хотел этого.

Если бы хотел этого...

Желание моего отца «обсудить вопросы наследства» – всего лишь уловка, за которой прячется его подлинное стремление: хитростью заставить меня сделать то, чего хочет он... Выиграть хоть в чем-то, поскольку это его желание преобладает над всеми остальными, даже сейчас, когда он на пороге смерти.

Насколько я знаю, сейчас у него нет надо мной никакой

² «Сессна» – американский производитель самолетов – от малых двухместных до бизнес-джетов.

власти, и это дает мне ощущение свободы. У старого Уэлса нет столько денег, чтобы заставить меня передумать.

Девушка, лежащая в моей постели, выскальзывает из-под покрывала и шарит по полу в поисках своего вечернего платья – облегающего и ажурного, если я правильно помню.

– Колдер... у тебя есть зарядка для телефона? – шепчет она, морщась, словно сожалея, что ей приходится беспокоить меня во время важного звонка.

– Марта, мне придется сейчас проститься с вами, – говорю я. Помощница моего отца начинает возражать, но уже слишком поздно. Я уже нажимаю красную кнопку.

Должен признать... во мне зажглось любопытство, и я не против еще разок сказать своему отцу, чтобы он убирался к черту, прежде чем он уйдет в мир иной, однако я не хочу, чтобы эта победа досталась ему слишком легко.

Если я решу приехать, то сам выберу для этого время. И только если сам захочу этого.

Я бросаю свой телефон на сбитые простыни и одеяла, потом провожу рукой по заспанному лицу. Потом поднимаю с пола свои трусы-боксеры и натягиваю их.

– Все в порядке? – спрашивает девушка.

– Да. – Я упираю ладони в бедра и размышляю, как сказать Ханне, что она не может воспользоваться моей зарядкой для телефона, потому что ей пора уходить.

– Позавтракаем вместе внизу? – Девушка протягивает руку к себе за спину с потрясающей гибкостью и застегивает

«молнию». Должно быть, она занимается йогой. – В здешнем кафе лучшие черничные вафли в стране.

– Я не завтракаю, – лгу я. На самом деле я завтракаю, просто не с каждой незнакомой женщиной, которую я подцепил в баре отеля. У каждой свиданки есть своя цель, и эта девушка сделала то, ради чего я ее позвал.

Надев туфли на каблуках, она одергивает свое помятое платье, пытаясь разгладить ткань.

– Плохо.

Я жду, пока она закончит одеваться, потом провожаю ее к двери.

– Я пробуду здесь до пятницы, – сообщает она с ноткой надежды в голосе, упираясь рукой в дверной косяк. – Номер двести одиннадцать.

Ханна улыбается мне застенчивой улыбкой, которая полностью противоречит всем тем страстным и необузданным трюкам, которые она проделывала вместе со мной всего несколько часов назад. Я чувствую себя почти виноватым.

В ней ощущается какое-то провинциальное добродушие. В ее светлых глазах мерцает надежда, когда она смотрит на меня с такой по-детски наивной нежностью, чуть приоткрыв губы в полуулыбке.

Но не надо усложнять все.

Я – акула. Она – кета.

Природа следует своим законам, и так и должно быть.

– Это было весело, Колдер. Спасибо тебе за все. – Она

открывает дверь номера, и яркий свет из коридора бьет мне прямо в глаза, заставляя меня отвернуться. – Очень надеюсь, что до твоего отъезда мы сможем это повторить.

Я отвечаю сдержанной улыбкой, хотя уверен, что подлинные эмоции отчетливо читаются на моем лице. В подобные моменты я никогда не умел блефовать.

– Я собираюсь вернуться в город, – говорю я. – Вероятно, мы больше не увидимся.

И под «вероятно» я подразумеваю «определенно».

Ханна уже стоит по ту сторону порога, зажав под мышкой сумочку и сложив ладони перед собой, словно собирается принять причастие.

– Ты даже не запомнил мое имя, верно? – спрашивает она, избегая смотреть мне в глаза.

– Мне нужно принять душ, и...

– Меня зовут Грейс, – перебивает она. – Не то чтобы для тебя это что-то значило. Я просто подумала... мы провели вместе ночь, и ты мог бы, по крайней мере, запомнить мое имя, даже если не собираешься снова увидеться со мной.

Я пытаюсь не засмеяться над своей оплошностью. Я все перепутал.

Откуда, черт побери, взялось это «Ханна»?

Боже, я уже скучаю по нью-йоркским девушкам. Они не пытаются клеиться к тебе. Они не воспринимают одноразовые перепихоны как начало теплых отношений. Утром они уходят по своим делам, и, когда ты натыкаешься на них в

городе, делают вид, будто знать тебя не знают, а ты притворяешься, будто не знаешь их. Все мирно расходятся, жизнь продолжается.

– Ты часто так делаешь, да? – спрашивает Грейс-не-Ханна, в упор глядя на меня светлыми глазами, потом запрокидывает за ухо прядь сексуально растрепанных белокурых волос.

Я прислоняюсь к дверному косяку.

– Очевидно, у нас были разные ожидания относительно... минувшей ночи.

С чего она решила, что наше ночное секс-рандеву может перейти в нечто большее?

– Ты просто... показался другим. – Она прикусывает пухлую нижнюю губу. – Наверное, я просто не думала, что буду чувствовать себя... использованной.

«О господи!»

– Я не использовал тебя, Грейс, – возражаю я. – Я отлично потрахался с красивой блондинкой, которую встретил в отеле в Теллерайде. И я этого никогда не забуду. Обещаю.

Она резко втягивает воздух, чуть приоткрыв розовые губы.

– До следующей блондинки в следующем отеле.

– На самом деле, я предпочитаю брюнеток, но смысл не в этом. – Я усмехаюсь. Она нет. – Всего тебе хорошего, Грейс. Ладно?

Я делаю шаг назад и аккуратно прикрываю дверь, но Грейс упирается в нее ладонью.

– Мне тебя жаль. – Ее голубые глаза кажутся темнее, чем секунду назад. – Когда-нибудь ты встретишь невероятно потрясающую девушку: ту, которая заставит тебя забыть обо всем, о чем ты всегда хотел забыть. И я надеюсь, что она разобьет тебе сердце.

С этими словами Грейс-не-Ханна отпускает дверь, и та со стуком захлопывается.

Я направляюсь в душ.

Она может проклинать меня сколько угодно, но нельзя разбить сердце тому, у кого сердца нет.

Глава 3

Аэрин

– Спасибо, что разрешил поселиться здесь. – Я поднимаюсь на цыпочки и закидываю руки на плечи брата, хотя он только что вернулся с ночной смены в отделении неотложной помощи и, вероятно, принес на себе сто тысяч микробов и вирусов. Но я слишком рада ему, чтобы беспокоиться об этом – мы не виделись уже восемь месяцев.

– Мне нравится твое новое жилье.

Я отстраняюсь от Раша и выглядываю в огромное окно гостиной, из которого открывается частично загороженный другими домами вид на Бруклинский мост. Раш только недавно въехал в новую квартиру и еще не до конца выплатил кредиты, но он вполне неплохо зарабатывает на должности врача-терапевта в «неотложке».

– Удивлена, что у тебя целых две спальни, – говорю я ему.

– Я хотел поселиться здесь с соседом, но он в последнюю минуту завербовался во «Врачи без границ», – Раш сбрасывает теннисные туфли и кладет ключи на столик у двери. Он, естественно, выглядит старше, чем в прошлый раз, когда я видела его, но скорее на некий неуловимый манер. Что-то в нем изменилось, но я не могу сказать точно, что именно.

Мне в некотором роде трудно думать о брате, как о чело-

веке, в чьем облике нет уже того костлявого подростка, который когда-то наливал молока в мою чашку с хлопьями и каждое утро провожал меня на детсадовский автобус.

– Так на кого ты работаешь в Нью-Йорке? Ты так и не сказала. – Он достает из кармана ручку – в фиолетовом корпусе с логотипом какой-то фармацевтической компании – и кладет ее рядом с ключами.

– А, ну... – Я не хочу вдаваться в подробности. Для начала, Раш мне не поверит. А если поверит, то еще полчаса будет читать мне лекцию о том, насколько плохая это была идея. Мои прагматические стремления в его глазах всегда выглядят детской игрой.

Мне кажется, мы похожи на двух хиппи, не верящих во что-либо организованное (включая учебу), которые сходятся и начинают плодиться. Если бы не Раш, не знаю, как бы я окончила старшую школу, и уж точно не поступила бы в колледж. Хотя он старше меня на десять лет, он всегда играл для меня роль скорее отца, чем старшего брата.

Мои родители однажды попытались забрать меня из пятого класса, чтобы вместе со мной попутешествовать по стране в трейлере³. Они уверяли, что в этом путешествии я смогу усвоить куда больше, чем сидя весь день в «скучном классе». Они отказались от этой идеи только потому, что не смогли наскрести денег на автодом, который хотели купить (и при-

³ Трейлер, или автодом – жилой прицеп для семейных загородных поездок, для временного или постоянного проживания, заменяющего проживание в доме.

чиной тому – отсутствие работы), а Раш угрожал позвонить в службу защиты несовершеннолетних и пожаловаться на них.

– Да как обычно – на важную шишку, владельца одной крупной технологической компании. Довольно скучное дело.

Я задерживаю дыхание и скрещиваю пальцы, молясь, чтобы мой ответ удовлетворил его любопытство.

– Круто, круто. Что ж, было приятно встретиться, но мне нужно поспать, – говорит Раш, протискиваясь мимо меня. – Вечером мне опять на смену, еще на двенадцать часов.

– Я пробуду тут месяц, у нас еще будет время на то, чтобы поболтать. – Я тоже устало улыбаюсь. Мне пришлось лететь ночным рейсом из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, потому что мистер Уэллс желал, чтобы я приступила к своим обязанностям «настолько быстро, насколько это возможно».

– В гостевой ванной должно быть все необходимое. Может быть, тебе придется заказать продукты. В холодильнике сейчас шаром покати. Номер доставки на самом холодильнике. – Раш зевает, щуря черные глаза и приглаживая обеими руками столь же темные волосы.

Он всегда напоминал мне Эштона Кутчера, только не такого бестолкового и более серьезного. Как если бы Эштон играл Стива Джобса, а не Келсо.

Раш был бы отличной парой для какой-нибудь везучей девицы, и я говорю это не только потому, что я сужу предвзято. Раш невероятно умный, целеустремленный, и он – один из

самых больших альтруистов, кого я знаю.

Но он женат на своей работе и не разменивается на мелочи.

В этом мы похожи – он и я.

Оба трудоголики, оба одержимы своей карьерой.

Мелроуз, одна из моих лучших подруг в Лос-Анджелесе, однажды выдвинула теорию, что поскольку мы с Рашем выросли в такой хаотичной семейной обстановке, то наше образование и карьера были единственным, что мы могли тогда держать под контролем.

И я была вынуждена согласиться.

Личные отношения всегда будут для нас, словно зыбкая почва, чем-то совершенно непредсказуемым, что мы не сможем контролировать при всем желании.

Втащив свой чемодан на колесиках в гостевую комнату, я закрываю за собой дверь и вылезая из дорожной одежды, чтобы принять душ. После перелетов я всегда чувствую себя ужасно грязной и с наслаждением предвкушаю, как буду отмывать в безупречно-белой ванне.

Это еще одна наша с Рашем отличительная черта. Мы оба – маньяки чистоты. Скорее всего, это еще одно последствие образа жизни наших родителей, которые не особо любили мытье и уборку, потому что «всякая химия вызывает рак».

Как ни иронично, наш отец едва не умер от рака легких пять лет назад, и для меня это свидетельство: ты можешь верить во что угодно, но в конечном итоге что-нибудь просто

берет и случается – и, честно говоря, меня это ужасает.

Раздевшись, я начинаю наполнять ванну горячей водой, потом распаковываю и расставляю в должном порядке свои гигиенические принадлежности и косметику.

Дневные средства для кожи.

Средства макияжа.

Вечерние средства для кожи.

Маски для лица и все прочее.

Я погружаю кончики пальцев в воду, потом закручиваю краны и залезаю в ванну.

Я погружаюсь в горячую влагу, которая обжигает мое тело, пар наполняет мои легкие. Я дышу чаще обычного, и это намекает мне на то, что я испытываю беспокойство, которое мешает мне сделать полный, глубокий вдох.

Так всегда происходит, когда я приступаю к новой работе. Я просто хочу, чтобы все прошло хорошо. Лучше, чем хорошо, на самом деле. Идеально.

Сегодня я изо всех сил постараюсь устроиться на новом месте жительства и расслабиться. Завтра в десять часов утра мне предстоит явиться в штаб-квартиру «Уэллс-Тех» в деловой части города.

Я все глубже погружаюсь в воду, моя спина скользит по белому акрилу, я закрываю глаза и заставляю себя дышать как можно глубже, полнее и сильнее.

Я могу справиться с этим.

Я могу справиться с чем угодно – даже с такими задачами,

хотя искренне считаю всю эту затею неправильной и глупой.

Глава 4

Колдер

Вопреки всем доводам рассудка, я нажимаю кнопку пятнадцатого этажа на панели лифта.

Собственная кровь ощущается мной то огненной, то ледяной.

В лифт набиваются пять белых воротничков в строгих костюмах с галстуками, и я отхожу к стене, чтобы освободить место. Двое из них беседуют между собой, потом выходят на своем этаже, еще один окидывает взглядом мои рваные джинсы и хлопчатобумажную водолазку. Их жизнь в костюмах от «Армани» скучна мне до зевоты. Они, по сути, узники – их деловые костюмы подобны тюремной униформе, а крошечные кабинеты – камерам-одиночкам.

Но если они довольны такой жизнью...

Лифт останавливается на пятнадцатом этаже, который выглядит точно так же, как почти десять лет назад, когда я был здесь в прошлый раз. Тот же самый журчащий фонтанчик. Те же самые мраморные полы. Правда, кресла и диваны в вестибюле новые – коричнево-оранжевая кожа вместо дизайнерской клетки – и еще добавился маленький забавный кофе-бар с настоящим бариста и тому подобное.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – Девушка

немногим старше меня привстает из-за стола, хлопая ресницами.

Я подхожу ближе и смотрю на часы, а когда перевожу взгляд на нее, то наблюдаю в реальном времени, как на ее лице мелькает узнавание.

– О, так вы же... да, минутку. – Она склоняется над столом, сдвигает бумаги, находит радиотрубку и нажимает три кнопки ноготком, окрашенным в бежево-коричневый цвет. – Сын мистера Уэллса пришел, чтобы увидеться с ним. Да, хорошо. – Она кладет радиотрубку обратно. – Если вы пройдете по этому коридору налево, вас встретит Марта и проводит вас в... кабинет вашего отца.

Я вижу, как она сглатывает, горло ее инстинктивно подергивается, она смотрит на меня так, словно я сказочный единорог, в существование которого она до сих пор не верила.

Я киваю в знак благодарности и направляюсь по коридору налево.

Два дня назад я был в Теллерайде и занимался своими делами, пока не получил известие о том, что мой отец умирает, и вот я здесь, дабы исполнить просьбу умирающего.

Это до невозможности приближает меня к святости, я в этом уверен.

В конце холла находится полукруглый стол цвета густого эспрессо, над ним склонилась чья-то платиново-белокурая голова.

Должно быть, блондинка слышит мягкий звук моих ша-

гов, потому что поднимает голову, улыбается мне и встает из-за стола.

– Вы, наверное, Колдер, – говорит она, обходя стол и протягивая правую руку. – Я Марта.

И я понимаю, что ошибался, принимая ее по голосу за пожилую женщину.

Очень ошибался.

Марте максимум тридцать пять лет. Платиновые волосы подстрижены под градуированное каре, она одета в узкую темно-синюю юбку-карандаш и белую блузку на пуговицах – расстегнутую в достаточной степени, чтобы чуть-чуть приоткрыть ложбинку ее пышного бюста, слишком идеального, чтобы быть настоящим. В ушах покачиваются бриллиантовые серьги. Готов держать пари, что это подарок моего отца на «День помощника директора».

Он явно нанял ее не только за приятный голос.

Я зря полагал, будто мой отец хотя бы на старости лет способен отказаться от своих привычек.

Не могу не гадать, что думает его нынешняя жена – Лизетта – относительно такой помощницы. Предположений у меня не много, я никогда не встречал Лизетту лично, но я видел ее на фотографиях, и она именно такая, какой я представлял себе четвертую жену моего папаши.

– Очень рада, что вы смогли приехать. – Марта широко улыбается, и я замечаю, что ее зубы частично испачканы красной помадой, однако не хочу указывать ей на это и сму-

щать ее – голос ее и так дрожит и прерывается. – Ваш отец все утро готовился к этому визиту. Он предвкушает встречу с вами и очень волнуется. Хотите кофе? Я могу попросить принести чашечку.

– Нет, спасибо. – Я откашливаюсь и смотрю вдоль коридора, где виднеются знаменитые двойные двери высотой в двенадцать футов – когда-то отец выписал их из Италии. В центре каждой створки красуется логотип «Уэллс-Тех Медиа» – вырезанный вручную каким-то парижским мастером – а на золотых дверных ручках оттиснут семейный герб Уэллсов.

– Конечно, хорошо. – Марта снова улыбается, и красные пятнышки помады размазываются, становясь розовыми. – Я провожу вас.

Я иду в нескольких шагах позади нее, держа руки в карманах. Я ступаю по мраморному полу, проходя мимо висящих на стенах портретов моего отца, написанных маслом в былые годы.

Ничего менее пафосного я и не ожидал.

Марта на ходу привычно-уверенно покачивает бедрами, и это выглядит иронично, учитывая, что, судя по голосу, ей сейчас требуется хорошая порция успокоительного.

Мы подходим к дверям, и Марта три раза стучит по створке, а потом заглядывает в кабинет.

– Мистер Уэллс, ваш сын здесь, – говорит она, потом широко распахивает дверь и жестом приглашает меня войти. – Сообщите мне, если вам что-либо потребуется.

Отец, сохраняя бесстрастное выражение лица, рассматривает меня. Он не встает из-за стола, и это хорошо. Мы не из тех людей, которые любят объятия, да и все равно обниматься друг с другом мы не стали бы.

– Ко-Джей, – говорит он, приподнимаясь и поправляя свой красный галстук.

Уже добрых десять лет никто не называл меня Ко-Джей.

Колдер-джуниор, Колдер-младший... это прозвище отец дал мне в детстве. Мать тоже называла меня Ко-Джей. Она говорила, что так проще всего отличить, к кому обращаются – ко мне или к отцу.

К тому же это казалось ей милым.

– Может быть, присядешь? – Он указывает на одно из гостевых кресел с оливково-зеленой замшевой обивкой, стоящих напротив его стола.

Сжав губы и резко выдохнув, я сажусь, желая, чтобы этот поганый спектакль поскорее закончился.

Я здесь только потому, что мне любопытно: какие же такие насущные вопросы наследства он хочет обсудить со мной лично?

Может быть, это подстава. Может быть, он забросил удочку, а я схватил наживку. Но это неважно, потому что он по-прежнему не может заставить меня сделать ничего, что я не захочу.

– Рад видеть тебя, сын, – говорит он, садясь обратно в свое кресло.

Под глазами у него мешки, словно от усталости, кожа на руках тоньше, чем мне помнилось, видны все фиолетово-синие вены, но, не считая этого, он выглядит так же, как в прошлую нашу встречу – как старый богатый американец. Я убежден, что к концу жизни все они выглядят одинаково.

Но на умирающего он не похож. Лицо у него не особо бледное, взгляд ясный. И он здесь, верно? У него хватает сил на то, чтобы работать.

– Спасибо за то, что пришел. Я знаю, что для тебя это было нелегко, – говорит он. Мой отец не глуп. Он считает, будто если поблагодарит меня и признает, что решение прийти сюда сегодня я принял совершенно самостоятельно, это смягчит меня. Но он ошибается.

– Что тебе нужно со мной обсудить?

Он на миг кривит тонкие губы, потом его лицо принимает прежнее выражение.

– Правильно. Полагаю, нам нужно сразу перейти к этому. Я уверен, что у тебя есть иные дела, другие встречи.

– Есть.

Он смотрит на меня поверх столешницы, покрытой стеклом, его маленькие голубые глаза подмечают каждую мелочь.

– Я хотел поговорить с тобой о том, чтобы ты взял на себя руководство «Уэллс-Тех Медиа».

– Ни за что. – Я сжимаю зубы.

– Ко-Джей. – Он склоняет голову набок и хмыкает, но это

не шутка. – Я построил эту... империю... для тебя.

– Вранье.

– Это и есть мое наследие, о котором мы говорим. То, что принадлежит тебе по праву рождения. Марта сказала тебе, что я...

– Да, но это ничего не меняет. – Я понимаю, что злобно смотрю на него, не в силах расслабить сведенные напряжением мышцы лица.

Отец откидывается на спинку своего кресла, кожаная обивка скрипит. Он поглаживает морщинистой рукой подбородок и изучающе разглядывает меня.

– Вот какое дело, Ко-Джей, – говорит он. – Если ты не хочешь принять «Уэллс-Тех» – отлично. Но тогда я буду вынужден продать эту компанию. И, как ты знаешь, она стоит миллиарды долларов, так что, естественно, выбор потенциальных покупателей не особо велик.

– Я уверен, что ты без проблем найдешь кого-нибудь.

– Понимаешь, в том-то и штука. Я уже нашел. – Он подается вперед, опершись локтями на столешницу. Справа от него стоит стаканчик с его любимыми золотыми ручками, слишком плотно набитый – видимо, недавно пополненный. – Это «Самуэльсон-Барнс Групп».

Я больше не вижу своего отца.

Перед глазами у меня красная пелена.

Вскочив, я отталкиваю кресло и направляюсь к выходу, но, дойдя до двери, я резко останавливаюсь и сжимаю кулак.

Повернувшись, я спрашиваю отца:

– Почему? Как тебе такое вообще могло прийти в голову?

– Они уже много лет хотят купить нас, – отвечает он.

«Нас».

Как будто «Уэллс-Тех» имеет ко мне какое-то отношение.

– И к тому же они сделали невероятно щедрое предложение, – добавляет он. – Я был бы глупцом, если бы отверг его.

– Тогда зачем ты приволок меня сюда? Чтобы поставить мне ультиматум? Или я возглавляю «Уэллс-Тех», или ты продаешь его компании, которая единолично в ответе за смерть моей матери?

– Я знаю, это выглядит ужасно, но ты должен понять, я...

Взмахнув рукой, я поворачиваюсь к нему спиной.

– Мне плевать, какие у тебя причины.

Я хватаюсь за ручку двери, втягиваю воздух и задерживаю его в легких, пытаюсь осознать, что все это значит и что мне делать в такой ситуации.

Если я возглавляю компанию, я могу продать ее, кому захочу. Но это означает, что я вынужден буду научиться тому, как управлять ею, ознакомиться с повседневной рутинной работой на руководящей должности, и так далее, и тому подобное. Мне придется тратить все время на то, чтобы превзойти своего отца – просто воплощенный кошмар.

Но если я этого не сделаю... если я откажусь от этого предложения... «Уэллс-Тех» уйдет к «Самуэльсон-Барнс Групп», и когда мой отец умрет, я унаследую их гребаные

красивые деньги.

Этот бессердечный мерзавец манипулирует мной.

– Я подумал: возможно, ты сможешь обучиться тому, как руководить компанией. – Его голос звучит мягче, чем прежде. – Я могу научить тебя всему, Ко-Джей. Пока я еще в силах. Кто знает, сколько времени...

– Хватит, – прерываю я его, снова поворачиваясь к нему лицом. – Если ты думаешь, будто, напоминая мне каждые две секунды о том, что ты умираешь, ты сможешь завоевать мое сочувствие, уважение или даже прощение, то ты ошибаешься.

Он вскидывает ладони и выпячивает подбородок.

– Весьма честно.

– Мне нужно... нужно подумать об этом. – Я зажмуриваюсь и сжимаю переносицу двумя пальцами. Поверить не могу, что размышляю над этим. Несколько минут назад я намеревался высказать своему папаше очень многое.

Но не это.

– Если ты решишь занять эту должность, я позабочусь обо всем, я даже найму тебе персонального ассистента, дабы облегчить твою жизнь. Ты будешь сильно занят делами, и будет очень кстати, если кто-то позаботится о твоих покупках и остальных вещах. Тогда тебе не придется ни о чем беспокоиться.

– Мне не нужно, чтобы кто-то делал для меня покупки. Мне нравится то, как я одеваюсь. – Я окидываю взглядом

темно-синюю рубчатую ткань своей водолазки.

– Кто-то должен иногда готовить для тебя еду, – продолжает отец.

– Я могу заказать доставку. И я не люблю, когда посторонние распоряжаются на моей кухне...

– Кто-то должен улаживать для тебя формальности, бронировать билеты.

– У меня есть «Сессна», мне не нужно бронировать билеты, – парирую я.

– В крайнем случае она может просто составить тебе компанию. Ассистенты нужны для того, чтобы облегчить ношу, и иногда для этого требуется удостовериться, что тебе... комфортно, что все твои... потребности удовлетворены.

– Поверь, у меня нет проблем с удовлетворением моих потребностей, – резко отвечаю я этому отвратительному человеку, сидящему за столом. – И я никогда не поставлю свою подчиненную в подобное положение.

– Конечно, нет, – слишком поспешно отзывается он. – Ты хороший человек, Ко-Джей. Лучше, чем я когда-либо был. Не думай, что я этого не понимаю.

Нет необходимости так подлизываться ко мне. Он позорит себя и даже не осознает этого.

Я сжимаю в кулаке дверную ручку, которую так до сих пор и не отпустил, на моих пальцах наверняка уже остались вмятины от рифленого металла.

– Я знаю, что не заслуживаю твоего хорошего отноше-

ния. – Голос его прерывается, но мое сердце остается жестким. – Я просто хотел оставить тебе лучшее, что у меня есть. Это самое меньшее, что я могу сделать после... всего.

«После всего».

Мне нравится, как он способен вложить в два коротких слова годы дерьмового отцовства.

Я медлю, все слова, которые я хотел бы сказать ему, теснятся у меня в глотке, но сейчас не время.

– Мне нужно идти.

Я не жду, пока он попросится со мной. Рывком распахнув дверь, я делаю два шага... и налетаю на симпатичную невысокую брюнетку, несущую стакан кофе со льдом – очевидно, из кофе-бара «Уэллс-Тех».

Точнее, этот кофе был в стакане.

Теперь он на ней. На ее белой блузке.

Но, скажем честно, это ведь она врезалась в меня. Какого черта она подошла так близко к двери, которая в любой момент может резко распахнуться? Почему бы ей не идти в центре коридора?

Ее розовый ротик округляется, медово-карие глаза яростно сверкают. Промокшая ткань, ставшая полупрозрачной, прилипает к ее коже, обрисовывая цветочный узор ее кружевного лифчика. Крошечные капли бурой жидкости медленно стекают в ложбинку между грудями.

Не могу не признать, что, невзирая на кофейную ванну, девушка эта чрезвычайно привлекательна: остренький но-

сик, точеный подбородок, густые темные ресницы. Блестящие темные волосы до плеч расчесаны на косой пробор, тщательно приглажены и заправлены за ухо – ни одной выбившейся пряди.

Похоже, она не только красива, но и чем-то встревожена, и готов поспорить, что отец нанял ее по одной-единственной причине – она отвечает его весьма специфичным вкусам: фигура в форме песочных часов, сияние молодости, сверкающие глаза, полные губы... и вдобавок она достаточно молода, чтобы пока еще не лишиться желания исполнять требования руководства.

– Смотрите лучше, куда идете, – бросаю я, намереваясь пройти мимо.

Девушка приоткрывает розовые губки, чтобы что-то сказать, но я уже иду прочь, на краткую секунду остановившись у стола Марты и достав из бумажника пятидесятидолларовую купюру.

– На химчистку, – говорю я, указывая себе за плечо. – Для девушки с кофе.

Марта медленно протягивает руку за купюрой, сведя брови на переносице.

– Х-хорошо.

Она еще узнает, что это означает.

Но мне уже пора идти. Мне и так есть, о чем поразмыслить.

Глава 5

Аэрин

«Скотина!»

Я подставляю под кран еще одно бумажное полотенце, потом комкаю его и капаю на него ярко-оранжевым цитрусовым мылом. Вспенив его, я прижимаю полотенце к пятнам на своей прежде безупречно-белой блузке и безмолвно возношу молитву всем богам-пятновыводителям.

«Скотина!»

Пятна не спешат сходить с ткани, и, кажется, даже расплылись еще сильнее, а это означает, что мне придется мчаться домой, чтобы переодеться – все это в мой первый день в «Уэллс-Тех».

«Скотина!»

Это он врезался в меня. Как он посмел сказать мне, чтобы я смотрела, куда иду?

Я знаю, что жители Нью-Йорка – народ грубоватый, но это уже вышло за свои пределы.

Этот человек был не грубоватым.

Он был хамом.

Большая разница.

Могу лишь надеяться и молиться, чтобы мне не пришлось работать с этим наглецом во время моего пребывания здесь

– хотя я вообще не уверена, что он работает здесь. Он был в джинсах и кроссовках, что совершенно не подходит для работы в таком месте.

Дверь женского туалета распахивается и входит девушка в лиловом платье прямого покроя, ее каблук цокает по полу, выложенному круглой плиткой. Рыжевато-белокурые волнистые волосы спадают ниже плеч, глаза у нее изумрудно-зеленые, и я инстинктивно ожидаю, что такая красотка окажется заносчивой и насмешливой, но, увидев меня, она резко останавливается и ахает, прижав ладонь к груди.

– Ой, как вам не повезло! Все плохо? – спрашивает она и подходит к раковине, встав рядом со мной. Поставив на стойку свою крошечную сумочку от «Прада», она роется в ней и достает оттуда карандаш-пятновыводитель «Тайд». – Не знаю, сильно ли это поможет, но попробовать можно. – Она улыбается. – Кстати, меня зовут Лилли. Я работаю в отделе выплат.

Я беру карандаш, хотя мы обе, похоже, понимаем, что от него будет мало толку. Несколько минут назад самое большое пятно было размером с тарелку для салата, но из-за моих попыток замыть его увеличилось в диаметре почти вдвое.

– Я постоянно проливаю на себя то одно, то другое, – продолжает Лилли, посмеиваясь над собой. – Я ужасно неуклюжая.

– Увы, но я совершенно не виновата в том, что произошло, – вздыхаю я, прижимая карандаш к пятну поменьше,

чтобы проверить, подействует ли он. – Какой-то нахал нале-
тел на меня.

– Он, по крайней мере, хотя бы купил вам другой кофе?

Я закатываю глаза и протягиваю карандаш обратно его
владелице – самой дружелюбной жительнице Нью-Йорка,
которую я встречала в жизни. Я не хочу зря расходовать его.

– Нет, – отвечаю я. – Он сказал, что я должна смотреть,
куда иду, а потом просто прошел мимо.

Челюсть у нее отвисает, наши взгляды встречаются в зер-
кале. Но носу у нее прелестная россыпь веснушек, а таких
ярко-зеленых глаз я еще никогда не видела.

Честное слово, все в этом офисе могли бы в свободное
время подрабатывать моделями в «Fashion Week». Никогда
не видела, чтобы в одном месте было собрано столько кра-
сивых людей. Такое ощущение, что я оказалась в «Сумереч-
ной зоне».

Лили, прищурившись, спрашивает:

– Это был Хавьер из бухгалтерии? Могу поспорить, это
был Хавьер. Он был похож на Энрике Иглесиаса, только без
родинки?

Я смеюсь в нос.

– Нет...

– А волосы у него темные? Если он был блондином, то это
Брендан, замначальника отдела маркетинга.

– У него были темные волосы... и он был в джинсах. –
Теперь, размышляя об этом происшествии, я понимаю, что

плохо рассмотрела его лицо. Я была слишком потрясена случившимся и чересчур беспокоилась о том, сильно ли просвечивает моя промокшая блузка.

– А-а, ясно. – Она выдыхает и смотрит куда-то влево. – Если он был в джинсах, значит, он здесь не работает. Мистер Уэллс никогда не позволит человеку, одетому в джинсы, присутствовать в офисе. Наверное, это был какой-нибудь ремонтник, или торговец вразнос, или что-нибудь в этом роде.

– Да, но это неважно. Так получилось, все уже сделано. Мне даже все равно, кто он такой. – Я рассматриваю свое отражение, одергивая мокрую блузку, липнущую к телу.

– Ой, кстати, подождите здесь, никуда не уходите! Я сейчас вернусь. – Лилли разворачивается на каблуке, вылетает за дверь и полминуты спустя возвращается, неся в руках черный кардиган. – Я всегда держу его у себя в шкафу в кабинете. Уэллс круглый год врубает кондиционеры на полную мощность.

Я беру мягкий кашемировый кардиган.

– Вы уверены?

– Да, на сто процентов. Берите. – Лилли широко распахивает глаза.

– Вы поразительная девушка. Спасибо. Я потом отдам его в чистку и верну вам, как только смогу. – Я всовываю руки в рукава и застегиваю пуговицы. Испачканная эспрессо блузка под ним остается холодной и мокрой, но, по крайней мере, теперь ее не видно, и мне не придется мчаться домой, чтобы

переодеться.

Я усвоила, что в любой ситуации важно находить нечто хорошее, даже если это кажется невозможным. Это единственный способ сохранять здравый рассудок в мире, где все постоянно идет не так.

– Ничего себе первый день, – говорю я, застегивая последнюю пуговицу.

– О, это ваш первый день? Я так и поняла, что вы новенькая, потому что раньше я вас не видела. По крайней мере, хуже уже вряд ли будет, верно? – Лилли залезает в сумочку и достает золотистый тюбик, потом наносит на губы слой помады – самого безупречного офисно-розового оттенка, какой я видела. Хотя я сомневаюсь, что на моих губах этот цвет выглядел бы и вполтину так же хорошо, учитывая, что мы с Лилли относимся к совершенно разным цветотипам. – Не хотите сегодня вечером выпить? Ну, то есть я знаю, что сегодня вторник, но это ваш первый день, и мне кажется, что нужно отметить его чем-нибудь приятным – если вы, конечно, не заняты.

Раш сказал, что вечером у него снова смена, и я ничего не планировала – кроме как заказать готовый ужин из какой-нибудь китайской кафешки. Рекламные листовки этих кафе прилеплены на магнетиках к боковой стенке холодильника в кухне брата. Но выпивка – это звучит куда заманчивее. И будет неплохо обзавестись здесь друзьями, раз уж мне предстоит провести в этом офисе месяц.

– Да, на самом деле было бы хорошо. Давайте, – отвечаю я. Изумрудные глаза Лилли загораются, на губах появляется широкая улыбка.

– Отлично. Тут на углу есть бар с самым лучшим землянично-базиликовым мартини, какое вы пробовали в жизни. Встретимся у лифтов в пять?

Я киваю, и Лилли, цокая каблуками, проходит в одну из кабинок. Я в последний раз оглядываю себя в зеркале, убедившись, что пятна не видны, и направляюсь обратно к столу помощницы мистера Уэллса. Между телефонными звонками и исполнением приказов босса она ввела меня в курс дел – мне пришлось заполнить несколько бланков из отдела кадров, просмотреть получасовое видео о сексуальных домогательствах на рабочем месте (стандартная процедура, сказала она), после чего последовал пятнадцатиминутный перерыв. Именно тогда я приняла роковое решение взять и принести кофе со льдом из кофе-бара для работников, размещенного в холле.

– А, вот и вы, – говорит Марта, когда я сворачиваю за угол и подхожу к ее столу. – Я думала, что вы, наверное, заблудились.

У нее самые длинные ресницы, которые я когда-либо видела – я уверена, что они наращенные, но ей они к лицу. Они такие же блестящие и черные, как ее фирменные кожаные «лабутены».

– Прошу прощения. Некоторое время назад я налетела на

кого-то и залила свою блузку кофе, поэтому...

Марта вскидывает наманикюренные руки, потом взволнованно сжимает их перед собой.

– Теперь все понятно! – восклицает она, нервно улыбаясь.

– Извините, кажется, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

Она машет рукой перед лицом, тихонько посмеиваясь.

– Несколько минут назад тут проходил Колдер, он сунул мне пятидесятидолларовую бумажку для «девушки с кофе». Я сначала не поняла, о чем он говорил...

– Колдер? – переспрашиваю я. Мой желудок сжимается так сильно, что внутри образуется холодная пустота.

– Колдер-младший, – поясняет она. – Мистер Уэллс называет его Ко-Джей. Честно говоря, не знаю, какое обращение он сам предпочитает...

Она покусывает нижнюю губу, хмуря брови.

– В общем, вот. – Марта кладет на свой стол новенькую банкноту в пятьдесят долларов. – Полагаю, это на химчистку.

– Не понимаю... – начинаю я, потом прикусываю язык. С чего он решил вдруг возместить мне ущерб – после того, как нахамил мне?

Марта моргает, рассматривая меня.

– Что вы не понимаете?

Я заставляю себя улыбнуться.

– Неважно. Надо сказать, я просто не знала, с кем столк-

нула в коридоре.

– Это плохо. Я знаю, что мистер Уэллс хотел поскорее представить вас двоих друг другу, но, похоже, Колдер слишком спешил уйти отсюда. – Телефон на ее столе звонит, она многозначительно поднимает палец и отвечает на звонок. По телефону она говорит слащавым, почти материнским тоном. Она напоминает мне мою воспитательницу из детского сада в Риверсайде, хотя внешнего сходства, конечно, нет. Марта не носит косу, доходящую до поясницы, и от нее не пахнет пачули и шалфеем.

Завершив звонок, Марта смотрит на золотые часы, украшенные бриллиантами, у себя на запястье, потом снова обращает взгляд на меня.

– Осталось несколько минут до вашей личной встречи с мистером Уэллсом, – говорит она. – Если хотите, можете за это время выпить кофе.

– Спасибо, но нет, – отвечаю я. – Где я могу подождать?

Сегодня утром она упоминала что-то о моем личном кабинете, но, очевидно, пока он не готов: техники еще не установили для меня телефон и компьютер. Я не понимаю, почему ко мне относятся так, словно мне предстоит работать здесь длительное время. У меня есть собственный ноутбук, и мне не требуется другой телефон, кроме моего мобильного. И если в мои обязанности входит постоянное выполнение личных поручений в городе, то не понимаю, зачем мне вообще может понадобиться кабинет.

Марта указывает на несколько кожаных кресел, стоящих в углу, и я направляюсь туда, чтобы присесть. Кувшинчик с огуречной водой стоит сбоку от ряда аккуратно расставленных хрустальных стаканов. На стеклянном кофейном столике рядом со мной лежит стопка официальных журналов «Уэллс-Тех», на обложке красуется фото самого мистера Уэллса, рядом с заголовком: «Наследие, собранное почти за тридцать лет».

Я беру верхний экземпляр и листаю, пока не дохожу до соответствующей статьи о моем эксцентричном нанимателе.

Примерно тридцать лет назад Колдер Уэллс делал карьеру в одной из множества дистрибьюторских точек «Шевроле» в маленьком городке на севере штата Нью-Йорк, когда получение ссуды от его тестя изменило все...

– Аэрин? – Марта окликает меня из-за своего стола, и когда я поднимаю взгляд, одаривает меня теплой улыбкой. – Вас уже ждут.

Закрыв журнал, я кладу его поверх остальной стопки, потом поднимаюсь и провожу ладонью по юбке, разглаживая случайные морщинки. Откашлявшись, я расправляю плечи и направляюсь к двойным дверям в конце коридора, стены которого увешаны картинами, написанными маслом.

Человек, который украшает свой офис собственными портретами, вероятно, относится к наименее желательной

для меня категории работодателей. Но он сделал мне предложение, от которого я не смогла отказаться, и я прилетела сюда ближайшим же рейсом, и все это время в глазах у меня прыгали долларové значки.

Я стучу в дверь три раза, как это делала Марта. А потом еще раз негромко откашливаюсь.

– Входите, – раздаётся из-за двери несколько секунд спустя.

Я поворачиваю ручку тяжелой деревянной створки и захожу в кабинет, стараясь не глядеть на вид, открывающийся из панорамных окон. Дневной свет вливается сквозь стекла, озаряя рабочий стол и подсвечивая фигуру сидящего за ним человека, придавая ему почти нереальный вид. Почти ангельский. Но когда я подхожу ближе, то вижу, что ничего ангельского в облике мистера Уэллса нет. Обычный старый и богатый манхэттенец белой расы в костюме с галстуком.

– Мисс Кин, я очень рад, что вы приехали, – говорит он, выходя из-за стола и протягивая правую руку. Морщины вокруг его глаз делаются глубже, ладонь у него мягкая, явно непривычная к физическому труду.

– У меня не было выбора, – отвечаю я, подмигивая. – Вы весьма убедительны, мистер Уэллс.

Он хмыкает, отпуская мою руку.

– Почему бы вам не присесть? – Он указывает на изумрудно-зеленый диван от «Честерфильд», стоящий в углу офиса между двумя пухлыми кожаными креслами: позади дивана

высится книжный стеллаж, от пола до потолка.

Я сажусь в одно из кресел, и мистер Уэллс занимает место напротив меня.

– Как проходит ваш первый день здесь? Марта ввела вас в курс дела? – спрашивает он, но прежде, чем я успеваю ответить, добавляет: – Мне жаль, что у вас не было возможности встретиться с Колдером. Он был здесь некоторое время назад, но, к несчастью, у него есть другие дела, и он не смог задержаться надолго.

– На самом деле, мы встретились. – Я плотно ставлю ноги, голень к голени, и складываю руки на коленях, словно чопорная английская герцогиня.

Он склоняет голову набок.

– Встретились?

– Неофициально... мы столкнулись в коридоре. Я пролила кофе. Он сказал, что мне следовало смотреть, куда я иду.

Свет в глазах мистера Уэллса слегка тускнеет, он вздыхает.

– Прошу вашего прощения за это, мисс Кин.

– Вам не нужно извиняться за него.

– Ко-Джей... он несколько сложный человек. Упорный и мятежный. Боюсь, он унаследовал это от меня. – Мистер Уэллс дергает за лацкан своего пиджака и ерзает в кресле. Такое впечатление, что эта тема доставляет ему физический дискомфорт.

Так вот почему он платит мне такие деньги. Он знает, что

это будет трудная работа, и хочет сделать все, чтобы у меня не было возможности отказаться.

– Давайте перейдем к делу, хорошо? – предлагаю я. – По моим догадкам, ваша с ним встреча сегодня утром имеет некоторое отношение к смене власти, верно? Он согласился принять руководство вашей компанией?

Мистер Уэллс смотрит мне в глаза, и складки под его подбородком становятся глубже, он хмурится.

– Официально он еще не согласился. Пока – нет. Он говорит, что ему нужно обдумать это, но я знаю своего сына. Он примет правильное решение, – после короткой заминки говорит мистер Уэллс и кивает. Его тон наводит меня на мысль о том, что он пытается убедить скорее не меня, а самого себя. – Я дал ему два варианта на выбор. Если он умен – а Коуджей чертовски умен, – он выберет правильный.

– А если не выберет?

– Я велю Лилли Тредуэлл выписать вам чек, а Марта бронирует вам билет на ближайший же рейс домой. – Теперь в его голосе звучит самоуверенная веселость, потом он кашляет, прикрывая рот морщинистым кулаком. – Я был для него не самым лучшим отцом. У него есть множество причин не желать этой должности, противиться визиту сюда. Но, не считая всего этого, я все еще остаюсь его отцом. И я знаю, что лучше для него, даже если он не желает этого признавать. А он не желает – по крайней мере, вслух.

Его складчатые веки на миг смыкаются, словно он о чем-

то вспоминает, и несколько секунд мы сидим молча.

Мне почти жаль его.

Он явно продал когда-то свою душу, а теперь, когда его жизнь подошла к концу, оглядывается назад и пытается как-то уладить то, о чем жалеет больше всего – об отсутствии близких отношений с единственным сыном.

Может быть, я и не согласна с его жесткими методами, но могу найти в своей душе немного невысказанного сочувствия к его печали и отчаянию.

– Он вернется. – Мистер Уэллс выпячивает подбородок и кивает. – У меня нет сомнений. – Он обводит глазами кабинет и поднимает указательный палец. – Ваше присутствие благотворно повлияет на него, я это знаю. Вы – человек практичный. Ему необходимо нечто в этом роде. Он по натуре слегка хаотичен и не терпит ограничений, но ему нужна некоторая упорядоченность, некая повседневность. Именно это вы и сделаете. Вы будете следить за его распорядком, приучать его к организованности и покажете ему, что Корпоративная Америка – вовсе не седьмой круг ада.

Он говорит о своем сыне точно о каком-то маленьком дикаре, нуждающемся в приручении. Я могу следить за его распорядком. Но приучить его к практичности? Это за пределами моих возможностей.

– Я с радостью займусь расписанием его дел, мистер Уэллс, но если вы ожидаете, что я, так сказать, подрежу ему крылья, то боюсь, на это моей квалификации не хватит. –

Я расправляю плечи, выпрямляю спину и высоко поднимаю голову.

– Я не прошу от вас ничего, кроме как быть самой собой, мисс Кин. – Его светлые глаза искрятся, он постукивает пальцами по подлокотнику зеленого дивана. – Я уже сказал вам: я знаю своего сына. И я знаю, что делаю. – Мистер Уэллс встает и поправляет свой красный атласный галстук. – Теперь прошу меня простить, мне нужно провести видеоконференцию. Я попрошу Марту чем-то занять вас, пока мы ждем, что мой сын соберется с мыслями. Обещаю вам, что это не займет много времени.

Я выхожу из кабинета и возвращаюсь к столу Марты в еще большем замешательстве, чем после первого разговора с мистером Уэллсом.

Полагаю, что он стал одним из самых успешных бизнесменов в истории нашего государства не только потому, что ему повезло. Он умен. Он убедителен. Он умеет красиво говорить. И он не принимает ответа «нет».

Колдер Уэллс-старший воплощает собой философию поговорки «Было бы желание, а способ найдется».

Просто я не понимаю, почему он выбрал меня в качестве этого способа.

Но, наверное, скоро узнаю.

Глава 6

Колдер

Я погружаюсь в тишину своей гостиной, словно в воду, держа в руке фотографию в рамке. На ней моя красивая улыбающаяся мама обнимает обеими руками меня, своего костлявого двенадцатилетнего сына. На щеках у матери румянец, глаза сияют, шелковистые темные волосы, достигающие плеч, завиваются внутрь, к шее.

Картина, олицетворяющая крепкое здоровье и счастье.

Портрет женщины, у которой было это все и многое еще сверх того.

Это было последнее лето, когда мы по-настоящему были вместе, последнее лето, когда на ее лице играл мягкий румянец, когда у нее хватало энергии водить меня на прогулки по берегу моря в нашем хэмптонском поместье – она притворялась, будто верила мне, когда я заявлял, будто ненавижу эти прогулки.

Я совсем не ненавидел их.

Я радовался времени, проведенному с матерью.

Гвинет Уэллс была святой. Она воплощала в себе все самое доброе и правильное в этом мире, и мне повезло, что она была моей матерью, – пусть даже мое везение продлилось чуть дольше десяти лет.

Я все еще помню ее знаменитые приморские пикники, на которые приходили все наши соседи. Помню, как она напевала себе под нос, когда мыла посуду. То, как она убирала волосы у меня со лба и целовала меня в нос, когда думала, что я сплю.

Не проходит ни дня, чтобы я не думал о ней. Я готов отдать что угодно, лишь бы снова услышать ее заразительный грудной смех, услышать, как она напевает одну из этих привязчивых мелодий, которые навсегда застряли у меня в голове. Еще хоть раз ощутить сияющее тепло, исходящее от нее, – она была больше, чем сама жизнь.

Моя мать не только дала мне жизнь – она вдыхала жизнь во все, что окружало ее. Она могла осветить самый тусклый день, найти серебристую изнанку у самой темной грозовой тучи.

А потом она заболела.

Какой-то врожденный порок сердца, о котором она не знала, пока в один теплый воскресный вечер не рухнула в обморок в своем любимом саду среди чайных роз.

Едва ей поставили диагноз, как отец, не теряя ни секунды, позвонил своему лучшему другу, Рою Самуэльсону, который владел компанией медицинского оборудования, специализировавшейся на сердечно-сосудистых заболеваниях.

В течение месяца, пока моя мать то приходила в себя, то снова теряла сознание, постепенно слабея, мой отец подписал документ, позволявший врачам имплантировать ей экс-

периментальное устройство, разработанное компанией Роя. Оно все еще было на стадии исследований и не получило пока допуск Министерства здравоохранения. До этого оно всего два раза успешно сработало и три раза не помогло пациентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.